

УДК 327.7+341.4

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЮРИСДИКЦИИ НЮРНБЕРГСКОГО И ГААГСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Мезяев Александр Борисович^{1,2},

д-р юрид. наук, профессор,
e-mail: alexmezyaev@gmail.cjm,

¹Университет управления ТИСБИ, г. Казань, Россия

²Казанский журнал международного права и международных отношений, г. Казань, Россия

Создание Международного военного трибунала (МВТ) стало поворотным этапом в развитии как международного права, так и всей системы международных отношений. В статье рассматриваются вопросы легальности и легитимности создания МВТ и их влияния на формирование Нюрнбергской международной юстиции, то есть международного уголовного права и прогрессивного развития международного публичного права в целом, начиная с 1945 до начала 1990-х годов. Данные вопросы рассматриваются в сравнении с формированием Гаагской международной юстиции (начавшей формироваться с начала 1990-х годов), которая часто представляется в качестве «правопреемника» Нюрнберга. В статье показано, что претензии на правопреемство в вопросах создания этих двух видов юстиции недостаточно обоснованы. Если Нюрнбергская юстиция отвечает всем необходимым критериям законности и легитимности, то Гаагская ставит весьма трудноразрешимые вопросы её соответствия нормам действующего международного права. Делается вывод о том, что, несмотря на активное «продвижение» Гаагской юстиции, мировому сообществу следует в большей степени развивать потенциал Нюрнбергской международной юстиции.

Ключевые слова: Международный военный трибунал, Нюрнбергский процесс, Организация Объединённых Наций, суверенитет государств, Международный трибунал по бывшей Югославии, юрисдикция международных судов, законность создания суда, легитимность

LEGAL BASIS OF THE JURISDICTION OF NURNBERG AND THE HAGUE JUSTICE

Mezyaev A.B.^{1,2},

doctor of juridical sciences, professor,
e-mail: alexmezyaev@gmail.cjm,

¹University of Management TISBI Kazan, Russia

²Kazan Journal of International Law and International Relations, Kazan, Russia

The creation of the International Military Tribunal (IMT) was a turning point in the development of both international law and the entire system of international relations. The article examines the issues of the legality and legitimacy of the creation of the IMT and their impact on the formation of Nuremberg International justice, that is, international criminal law and the progressive development of public international law in general, from 1945 to the early 1990s. These issues are considered in comparison with the formation of The Hague International Justice, which is presented as the “successor” of Nuremberg. The article shows that claims for succession in the creation of these two types of justice are insufficiently substantiated. If the Nuremberg justice meets all the necessary criteria of legality and legitimacy, The Hague justice raises very intractable questions of its compliance with the norms of current international law. The conclusion is made that despite the active “promotion” of The Hague justice, the international community should develop the potential of the Nuremberg International Justice to a greater extent.

Keywords: International Military Tribunal, Nuremberg Trial, United Nations, sovereignty of states, The International Tribunal for the Former Yugoslavia, jurisdiction of international courts, the legality of the creation of the court, legitimacy

DOI 10.21777/2587-9472-2020-4-31-38

Создание Международного военного трибунала (МВТ) и Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МТДВ) положило начало кардинально новому повороту в международном сотрудничестве государств по борьбе с преступностью. Не случайно сразу же после начала работы МВТ в работах советских учёных появляется термин «международное уголовное право» [1; 2].

После завершения деятельности МВТ и МТДВ в течение почти пяти десятилетий никаких новых международных уголовных судов и трибуналов не создавалось. Несмотря на то, что проект создания международного уголовного суда время от времени появлялся в работе Комиссии ООН по международному праву, большинство государств явно исходило из понимания того, что и Нюрнбергский, и Токийский международные трибуналы являются судами *ad hoc*. Более того, основной тенденцией развития в данной области в эти годы стало расширение национальной юрисдикции. Об этом говорит целый ряд конвенций, например, конвенции по борьбе с наркотрафиком, с противоправными актами против гражданской авиации, с наёмничеством, захватом заложников и др. Все эти конвенции, прежде всего, исходят из расширения национальной юрисдикции, а не движения в сторону международной. Таким образом, данная тенденция была вполне определённой и, в целом, адекватно отвечала потребностям осуществления сотрудничества государств по борьбе с преступностью. Кроме того, государства проводили активную имплементацию данных договорных норм в своё национальное законодательство [3].

В начале 1990-х годов появляется новое поколение международных уголовных судов и трибуналов. Ссылаясь на непререкаемый авторитет Нюрнбергского трибунала и при создании новых международных судов, и позднее, появились утверждения о том, что данный процесс представляет собой «дальнейшее развитие» Нюрнбергской юстиции. Во многих работах стала продвигаться идея о том, что новые международные уголовные трибуналы – Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международный трибунал по Руанде (МТР) – являются «правопреемниками» Нюрнберга¹. Для целей настоящей статьи мы будем называть международную юстицию периода, начиная с 1945 по 1993 год как «Нюрнбергскую юстицию», а начиная с 1993 года – как «Гаагскую² юстицию».

Сравнительный анализ как правовых оснований, так и деятельности Нюрнбергской и Гаагской юстиций показывает, что утверждения о правопреемстве Гаагской юстиции от Нюрнбергской недостаточно обоснованы. В настоящей статье предпринята попытка сравнения правовых оснований создания Международного военного трибунала в Нюрнберге, с одной стороны, и Международных уголовных трибуналов *ad hoc*, учреждённых Советом Безопасности ООН, и формулировки тех выводов, которые могут иметь значение для развития современной международной уголовной юстиции.

Нюрнбергская международная юстиция

Международный военный трибунал был создан Лондонским соглашением от 8 августа 1945 года, заключённым между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. Статья 1 Соглашения гласила: «Учредить после консультации с Контрольным Советом в Германии Международный военный трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, независимо от того, будут ли они обвиняться индивидуально, или в качестве членов организаций или групп, или в том и другом качестве».

Правовые основания создания МВТ были поставлены под сомнение со стороны защиты одного из обвиняемых, которая утверждала, что государства, создавшие МВТ, не имели полномочий делать это, и трибунал не имеет юрисдикции осуществлять уголовное преследование граждан Германии.

¹ Так, профессор Дж. Крауфорд называет международные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде «Нюрнбергским и Токийским трибуналами нашего времени» (См.: Crawford J. The Drafting of the Rome Statute // From Nuremberg to The Hague. The Future of International Criminal Justice / Ed. Sands Ph. – Cambridge University Press. – 2003. – P. 129. Аналогичная идея проводится и другими авторами (El Gabbani N.A. International War Crimes Tribunals: From Nuremberg to the Hague. – American University in Cairo. – 1996).

² При создании Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде было определено, что их местопребыванием является Гаага. Впоследствии в Гааге были также созданы Специальный суд по Ливану, Специальный суд по Косово, Международный уголовный суд. Специальный суд по Сьерра-Леоне, находясь постоянно во Фритауне (Сьерра-Леоне), проводил свой главный судебный процесс («Прокурор против Ч. Тэйлора») также в Гааге, ещё раз подтвердив правомерность распространения термина «Гаагская юстиция» далеко за пределы нидерландского города.

Действительно, международное право того периода не содержало каких-либо конкретных норм, которые бы прямо предусматривали создание международных уголовных трибуналов. Более того, возникли сомнения в том, что такой международный трибунал обладает юрисдикцией в отношении физических лиц, а не государств. На данные вопросы обращали внимание юристы самих четырёх великих держав при подготовительной работе по созданию МВТ, и обвинение в незаконности создания и, как следствие, отсутствии юрисдикции, ни в коей мере не было новым вопросом в осуществлении деятельности МВТ.

В приговоре Международного военного трибунала вопрос о законности своего создания был решён следующим образом:

Трибунал отметил, что принятие Устава представляет собой «осуществление суверенных законодательных прав тех стран, перед которыми безоговорочно капитулировала Германская империя, и несомненное право этих стран осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий признано всем цивилизованным миром». Трибунал особо отметил, что Устав «не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов», но «выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания».

Как видим, Международный военный трибунал дал весьма краткий ответ на возражения в отношении его юрисдикции, что в тех условиях было вполне оправдано. Тем не менее, с высоты прошедших десятилетий возможен и более подробный ответ.

Юрисдикция МВТ является *полностью законной с точки зрения международного права*. Утверждения о том, что Нюрнбергский трибунал являлся «судом победителей», выглядят обоснованными лишь на первый взгляд. Однако при внимательной оценке этого аргумента становится понятным, что он не является убедительным. Во-первых, «суд победителей» может быть двух видов: победителей-агрессоров и победителей-жертв агрессии. Правомерность «суда победителей» может быть поставлена под сомнение лишь в первом случае. Однако хорошо известно, что агрессором является именно Германия. Во-вторых, юрисдикция трибунала *основана на существовавших в то время нормах обычного международного права*, прежде всего, на праве оккупирующей державы на осуществление своей юрисдикции. СССР, США, Великобритания и Франция являлись для Германии оккупирующими державами. Полномочия правительства Германии были прекращены полной капитуляцией Германии перед соответствующими государствами. Таким образом, четыре державы имели право судить граждан Германии на основании действовавших в то время норм международного права.

Здесь может возникнуть лишь один вопрос: могли ли указанные государства судить граждан Германии совместно? Если каждая из оккупирующих держав могла это делать в отдельности, то было бы абсурдным утверждать, что они не могли это делать совместно. По крайней мере, в международном праве не было никаких норм, которые бы препятствовали такому совместному суду. В Приговоре МВТ говорится, что четыре державы «сделали совместно то, что любая из них могла сделать в отдельности, так как нет никакого сомнения в том, что любая страна имеет право таким образом создавать специальные суды для применения закона».

Можно согласиться с утверждениями некоторых специалистов о том, что создание МВТ и МТДВ было определённой «инновацией» и даже «экспериментом» в международном праве. Однако с такими формулировками можно согласиться лишь с точки зрения формы, но не содержания.

Впрочем, даже форму Нюрнбергского правосудия можно назвать «инновацией» с определёнными оговорками. Идея создания международного уголовного суда, обладавшего юрисдикцией в отношении физических лиц, в том числе, в отношении высших должностных лиц государства, уже была закреплена в ряде международных договоров. Самым ярким примером является статья 227 Версальского договора 1919 года, которая устанавливала следующее положение: «Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого». Таковым объявлялся бывший германский император Вильгельм II Гогенцоллерн, а обвинение было сформулировано как «высшее оскорбление международной морали и священной силы договоров»³.

Иными словами, «инновационная» форма вызревала давно и в 1945 году была не «создана», а лишь реализована, наконец, на практике. Кстати, в этой связи стоит отметить тот факт, что создание

³ Цит. по: Версальский мирный договор: полн. пер. с фр. подлинника. – М.: Литиздат НКВД, 1925. – С. 83.

МВТ, во многом, было вызвано и тем негативным опытом практической реализации положений Версальского договора. Так, союзники, победившие Германию в Первой мировой войне, согласились на то, чтобы обвиняемые в совершении военных преступлений были судимы Имперским Верховным судом в Лейпциге. Итогом этого «суда» стало сокращение списка обвиняемых с 900 до 12, из которых были признаны виновными лишь шестеро, а сроки наказания разнились от 2 месяцев до 4 лет. Впоследствии несколько сотен обвиняемых просто оправдывались [4]. Таким образом, союзники-победители Германии во Второй мировой войне уже не имели права на повторение прошлой ошибки.

Кроме того, следует особо отметить, что юрисдикция Международного военного трибунала является не только законной (легальной) с точки зрения международного права, но и легитимной.

Во-первых, легитимность МВТ определяется уже отмеченным выше положением проводящих суд держав, как жертв агрессии (либо их союзников *по отражению этой агрессии*). Во-вторых, легитимность МВТ определяется последующей практикой государств, когда юрисдикция Нюрнбергского трибунала и его приговор получили одобрение со стороны всех стран-членов Организации Объединённых Наций.

Московская Декларация четырёх государств по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 года устанавливала, что государства, создающие МВТ, действуют «в интересах сообщества наций». Данное заявление, действительно, могло вызвать некоторые сомнения в связи с тем, что, действуя в интересах других государств, четыре великих державы не получили от них прямо выраженного согласия. В то же время последующие события подтвердили, что государства, в интересах которых действовали СССР, США, Великобритания и Франция, полностью одобрили деятельность Нюрнбергского трибунала. Это подтверждается в принятии, в частности, в тексте «Принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в решении этого Трибунала», принятых на второй сессии Комиссии ООН по международному праву в 1950 году. Эти принципы, в конечном итоге, стали основой Нюрнбергской юстиции, основой вектора развития международного уголовного права в период после 1945 года.

Легитимность создания МВТ была подтверждена и в такой последующей практике государств на универсальном уровне, как Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, в частности, ст. 64–66 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны и положения гл. III Женевской конвенции об обращении с военнопленными.

Более того, особенно важно отметить, что соглашения великих держав, принятых на Московской (1943), Ялтинской (1945) и Потсдамской (1945) конференциях создали правовую и политическую основу не только для Нюрнбергской юстиции, но и для всего международного права в целом, точнее – для его прогрессивного развития [5].

Гагская международная юстиция

Гагская юстиция представляет собой феномен весьма отличный от Нюрнбергской юстиции. Первыми птенцами гнезда Гагской юстиции стали Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международный трибунал по Руанде (МТР). В обоих случаях трибуналы были созданы резолюциями Совета Безопасности ООН, принятыми на основании главы VII Устава ООН (резолюции № 827 от 25 мая 1993 года и № 955 от 8 ноября 1994 года). Однако ссылка на главу VII Устава ООН является не правовым обоснованием создания МТБЮ и МТР, а обоснованием тех положений резолюций, которые устанавливают обязанность всех государств сотрудничать с трибуналами. Что же касается собственно юридического обоснования для создания международных уголовных трибуналов, то обе резолюции умалчивают об этом.

Сомнения в юридической правомерности создания Международного трибунала по бывшей Югославии были высказаны самими создателями трибунала, в том числе, сразу же после голосования по принятию Статута МТБЮ. Так, представитель Китая заявил сразу же после того, как проголосовал за резолюцию № 827, что политическая поддержка проекта не означает согласие КНР с предложенным правовым подходом создания трибунала. Так, китайский представитель отметил, что «Статут

трибунала является правовым документом с атрибутами международного договора и может вступить в силу лишь после проведения по нему переговоров, заключения его суверенными государствами и его ратификации национальными законодательными органами в соответствии с национальным законодательством». Китайский делегат отметил, что принятие Статута МТБЮ посредством резолюции СБ ООН, которая предоставляет трибуналу преимущественную и исключительную власть, противоречит принципу судебного суверенитета государств. В заключение представитель КНР заявил, что принятие резолюции 827 не должно создавать какого-либо прецедента⁴.

Представитель Бразилии также выразил сомнения в правомерности путём принятия резолюции СБ ООН ещё задолго до заседания 25 мая 1993 года. Так, в письме на имя Генерального секретаря ООН Постоянный представитель Бразилии отмечал, что международный уголовный трибунал должен быть создан на основании международного договора. В этой связи интересно отметить аргумент Бразилии о том, что «нельзя полагать существование уголовной юрисдикции на международном уровне». При этом Бразилия особо подчеркнула, что уголовная юрисдикция может существовать и осуществляться на международном уровне лишь в тех случаях, когда она предоставляется международному органу соответствующим государством или государствами. Создание же Нюрнбергского и Токийского трибуналов было названо особым случаем наличия особых обстоятельств конца Второй мировой войны⁵. Аналогичная позиция была озвучена Бразилией вновь уже при голосовании 25 мая 1993 года, тем не менее, Бразилия проголосовала «за».

Вопрос о законности создания МТБЮ был поставлен защитой на первом процессе в трибунале по делу «*Прокурор против Тадича*». Обвиняемый Д. Тадич оспорил законность создания МТБЮ, выдвинув четыре основных аргумента: международный трибунал может быть создан только в соответствии с международным договором либо после внесения изменений в Устав ООН; глава VII Устава ООН не предусматривает создание судебных органов; СБ ООН не может устанавливать личную уголовную ответственность; политический орган, которым является СБ ООН, не может учредить независимый и беспристрастный трибунал⁶.

Решение по данному заявлению вынесла сначала судебная, а затем апелляционная палата МТБЮ. Обе палаты МТБЮ отклонили заявление защиты, однако сделали это, опираясь на различные аргументы. Судебная палата отклонила иск на том основании, что МТБЮ не имеет компетенции рассматривать законность решений Совета Безопасности ООН. Палата заявила, что «этот трибунал не является конституционным судом для проверки деятельности органов ООН... и, таким образом, не обладает компетенцией рассматривать вопрос о законности создания МТБЮ со стороны Совета Безопасности ООН»⁷. Приняв такое решение и не предприняв после этого никаких действий, палата не ответила на главный вопрос: будет ли обвиняемый «судимым независимым и беспристрастным судом, созданным в соответствии с законом», что закреплено как в нормах международного права⁸, так и в нормах самого трибунала⁹. Палата могла инициировать запрос консультативного заключения Международного Суда. В этой связи стоит заметить, что президент Международного Суда ООН Ж. Гийом прямо предлагал услуги Суда в решении данного вопроса, тем самым, подчеркнув, что трибунал по бывшей Югославии вынес сомнительное решение¹⁰.

Апелляционная палата МТБЮ отменила решение судебной палаты и постановила, что СБ ООН имеет право создавать уголовные суды. Палата сослалась на создание Генеральной Ассамблеей ООН Административного трибунала, а так как Совет Безопасности ООН «имеет ещё больше полномочий»,

⁴ См. стенограмму 3217-го заседания Совета Безопасности ООН от 25 мая 1993 года // Документ ООН: S/PV.3217.

⁵ Письмо Постоянного представителя Бразилии при Организации Объединённых Наций от 6 апреля 1993 г. на имя Генерального секретаря // Документ ООН: A/47/922; S/25640.

⁶ См.: Prosecutor v. Tadic [ICTY Appeals Chamber] Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2.10.1995.

⁷ См.: Prosecutor v. Tadic [ICTY Trial Chamber] Decision of Trial Chamber on the Defence Motion on Jurisdiction of 10.08.1995.

⁸ Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

⁹ Статья 21 Статута Международного трибунала по бывшей Югославии.

¹⁰ Ж. Гийом отметил, что было бы трудно предположить, что МТБЮ мог бы дать отрицательный ответ о своей законности, что означало бы подписание смертного приговора самому себе (см. выступление Председателя Международного суда в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН в 2000 г.).

то он может создавать юридические органы. Но главное заключалось в утверждении о том, что термин «созданный на основании закона» относится только к государственным, но не международным судам. Подобного рода аргументация весьма проблематична и неубедительна.

Административный трибунал является исключительно внутренним органом ООН и имеет компетенцию только в отношении сотрудников этой организации. Компетенция Административного трибунала ООН не распространяется на уголовные дела. Право международной организации создавать внутренние органы для регулирования правоотношений, касающихся её сотрудников, никто не оспаривает. Оспаривается право международной организации принимать решения, выходящие за пределы её полномочий. Согласно статье 2 Устава ООН, организация не может вторгаться в исключительную компетенцию государств: «Никакие положения настоящего Устава не дают Организации права вмешиваться в дела, составляющие исключительную компетенцию государств-членов». Создание МТБЮ нарушило принцип национального суверенитета – базовый принцип международного права, да и самой ООН, в частности. Совет Безопасности создал учреждение, которое он наделил компетенцией, которой не обладает ни сам этот орган, ни даже вся организация в целом. При создании МТБЮ Совет Безопасности ООН передал этим учреждениям судебные полномочия, которыми сам не обладал, таким образом, был нарушен ещё один общий принцип права *Nemo in alium potest transferre plus juris quam ipse habet* («Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам»).

Аналогичные проблемы встали при создании Международного трибунала по Руанде. Несмотря на то, что в 1994 году Китай, проявляя последовательность своей позиции, заявленной годом ранее при создании МТБЮ, воздержался при голосовании по Резолюции СБ ООН № 955, он не применил вето. Выше уже отмечалось, что о правовых основаниях создания МТР резолюции СБ ООН умалчивали, поэтому учёным вновь пришлось искать такие основания вне текста акта о его создании. Однако и на этот раз убедительного обоснования не нашлось. Так, аргумент о том, что трибунал был создан по просьбе самой Руанды, не может быть убедителен по двум причинам: насильственной смене власти в Руанде (и соответственной смене её представительства в СБ ООН) и негативному голосованию Руанды по резолюции № 955. Что же касается судебного рассмотрения законности создания МТР, то трибунал поступил ещё проще, чем МТБЮ. Судебная палата трибунала по Руанде просто сослалась на решение по данному вопросу трибунала по бывшей Югославии.

При судебном рассмотрении законности создания МТР судебная палата трибунала по Руанде в решении по делу *Прокурор против Каниабаша* также отклонила все аргументы защиты, утверждавшей, что СБ ООН не имеет права на создание международных уголовных трибуналов, и постановила, что МТР был создан на законных основаниях. При этом, на наш взгляд, аргументация суда также не была достаточно убедительной. Так, например, соглашаясь с тем, что статья 41 Устава ООН, действительно, прямо не называет права создавать уголовные трибуналы, суд заявил, что, тем не менее, меры, перечисленные в данной статье, являются лишь примерами, а не исчерпывающим списком полномочий. В то же время, данный аргумент никак не влияет на отсутствие судебных полномочий у СБ ООН, которые бы он мог передать другому органу¹¹.

Проблемы с законностью создания ещё одного международного уголовного суда возникли при учреждении Специального трибунала по Ливану. Пять членов Совета Безопасности воздержались при голосовании по резолюции СБ ООН № 1757 от 30 мая 2007 года¹². При этом ряд делегаций прямо обусловили своё голосование именно правовым обоснованием создания трибунала, в частности, порядком его вступления в силу. Так, Постоянный представитель Российской Федерации в СБ ООН заявил, что схема, предлагаемая в проекте резолюции, является «сомнительной» именно с международно-правовой точки зрения. Логика такого сомнения вполне обоснована, ведь договор между двумя субъектами (в данном случае – между ООН и Ливанской Республикой) «по определению, не может вступить в силу по решению лишь одного из них», а «введение учредительных документов Специального трибунала

¹¹ Prosecutor v. Kanyabashi [ICTR Trial Chamber] Decision on the Defence Motion on Jurisdiction, 18.06.1997.

¹² Воздержались следующие члены Совета Безопасности: Китай, Индонезия, Катар, Российская Федерация, Южная Африка.

односторонним решением органа ООН... ущемляет суверенитет Ливана»¹³.

Таким образом, создание Гаагской юстиции поставило серьёзные и неразрешимые проблемы международной правомерности создания её институтов. Вряд ли случаен и тот факт, что практика деятельности Гаагской юстиции представляет собой существенную девиацию от стандартов, разработанных Нюрнбергской юстицией. Несмотря на ряд позитивных решений, например, в области развития отдельных прав обвиняемого, общий вектор деятельности Гаагской юстиции направлен на подрыв основ международного права, созданного в период 1945 – конца 1980-х годов.

Опыт Нюрнбергского трибунала был критически рассмотрен самими союзными государствами, проблемные аспекты деятельности МВТ не замалчивались, они были поставлены на своеобразное утверждение всего мирового сообщества, и такое утверждение было получено. Принятие «Нюрнбергских принципов», Конвенции против геноцида 1948 года, Женевских конвенций по международному гуманитарному праву 1949 года, «Определения агрессии» 1974 года – всё это *международно-правое* подтверждение правомерности Нюрнберга. В отличие от Нюрнбергской юстиции, Гаагская юстиция во многом носит характер пересмотра действующих норм международного права, что происходит не путём переговоров, а путём «судейского активизма», несмотря на то, что многие государства не согласны с судебским правотворчеством, происходит некое «продавливание» новых положений, сформулированных судами в качестве «развития» международного права.

Нюрнбергская юстиция создавалась в рамках прогрессивного развития международного права, по горизонтальным связям (*как права межгосударственного сотрудничества равноправных субъектов*). Гаагская юстиция – что было, во многом, заложено и особенностями её создания – строится по прямо противоположному принципу вертикальных отношений (*принуждения и подчинения*).

В данной ситуации Нюрнбергская юстиция не только сохраняет свою актуальность, но, во многом, ее значение повышается. Нюрнбергский трибунал показал уникальный положительный опыт законного и легитимного международного правосудия. Это ставит перед нами задачи глубокого изучения наследия Нюрнбергского трибунала, выявления его самозванных «правопреемников» и оказания им противодействия на основе развития международного сотрудничества государств по борьбе с преступностью на основе дальнейшего развития Нюрнбергской юстиции.

Список литературы

1. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы международного уголовного права // Советское государство и право. – 1947. – № 3. – С. 24–32.
2. Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного права // Советское государство и право. – 1948. – № 3. – С. 21–30.
3. Мавлонов А., Мезяев А. Проблемы имплементации норм международного уголовного права в российском уголовном законодательстве // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 104.
4. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. И.А. Ледах, И.И. Лукашук. – М.: Ин-т гос. и права РАН, 1995. – 263 с.
5. Бабурин С.Н. Ялтинские договоренности великих держав в 1945 г. и их уроки для международного права // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (43). – С. 54–57.
6. Международное уголовное правосудие: современные проблемы / М.Ш. Бассиуни [и др.]. – М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. – 747 с.
7. From Nuremberg to the Hague. The Future of International Criminal Justice / Ed. Sands Ph. – Cambridge University Press, 2003. – 332 p.

References

1. Shargorodskij M.D. Nekotorye voprosy mezhdunarodnogo ugolovnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1947. – № 3. – S. 24–32.
2. Romashkin P.S. K voprosu o ponyatiyah i istochnikah mezhdunarodnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1948. – № 3. – S. 21–30.

¹³ См. стенограмму 5685-го заседания Совета Безопасности ООН 30 мая 2007 года // Документ ООН: S/PV.5685.

3. *Mavlonov A., Mezyaev A.* Problemy implementacii norm mezhdunarodnogo ugovnogo prava v rossijskom ugovnom zakonodatel'stve // Gosudarstvo i pravo. – 1998. – № 4. – S. 104.
4. Nyurnbergskij process: pravo protiv vojny i fashizma / pod red. I.A. Ledyah, I.I. Lukashuk. – M.: In-t gos.i prava RAN, 1995. – 263 s.
5. *Baburin S.N.* Yaltinskie dogovorennosti velikih derzhav v 1945 g. i ih uroki dlya mezhdunarodnogo prava // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2015. – № 2 (43). – S. 54–57.
6. Mezhdunarodnoe ugovnoe pravosudie: sovremennye problemy / M.Sh. Bassiuni [i dr.]. – M.: In-t prava i publichnoj politiki, 2009. – 747 s.
7. From Nuremberg to the Hague. The Future of International Criminal Justice / Ed. Sands Ph. – Cambridge University Press, 2003. – 332 r.